

На столике на кане уже исходила паром чаша со свежесваренным горячим чаем, а рядом красовались три тарелочки: одна с домашними рисовыми лепешками, другая с семечками, а на третьей лежали расколотые, но еще не очищенные дикие грецкие орехи.

Чэнь Чжи, Ван Лю и Чжао Цинь уселись в кружок на кане, весело болтая и смеясь.

Спустя совсем немного времени к ним присоединилась и старая матушка Доу Цзиньхуа. Женщиной она была неразговорчивой, поэтому по большей части просто сидела рядышком и слушала чужие речи, попутно очищая орехи от скорлупы и скармливая спелые ядрышки любимому внуку.

Волосы Чанся еще не просохли до конца, поэтому он по-прежнему сидел на табуреточке возле жаровни; в его маленьких ладошках тоже лежали два расколотых ореха.

Ван Лю был фуланом Пэй Юна из Старого Поселения.

Прадед Пэй Юна и прадед Пэй Юва были родными братьями, так что мужчины приходились друг другу кровной родней из одного клана и принадлежали к одному поколению, отчего и семьи их в обычное время общались куда ближе остальных.

Семья Чжао Цинь тоже жила неподалеку, они были ближайшими соседями, так что, стоило выйти за порог, они неизменно встречались лицом к лицу.

Их усадьбы разделял пустующий участок земли шириной чуть более трех чжанов [около 10 метров]. На этом узком и длинном клочке земли громоздились валуны да росли беспорядочные деревья; место было неудобным, приведение его в порядок потребовало бы слишком много трудов, а потому ни одна из семей не пыталась прибрать этот пустырь к рукам.

Муж Чжао Цинь носил фамилию Ян. Это была вторая по численности и влиянию фамилия в деревне Ваньэр после рода Пэй. Сама Чжао Цинь всегда легко находила общий язык с Чэнь Чжи, и они крепко дружили домами.

Решив, что Пэй Яо слишком уж шумит и так всюду прыгает на кане, что мешает взрослым разговаривать, Чэнь Чжи лаской выманил сына на пол, отправив играть вниз.

Доу Цзиньхуа очистила еще несколько орехов. Обернувшись, она увидела, что Чанся сидит в одиночестве, а его тонкие, костлявые пальчики с трудом справляются с жесткой скорлупой, пытаясь выковырять упрямое ядро.

Видя, что дело у мальчика продвигается туго, она протянула руку к Пэй Яо, который уже всю жевал, и сказала:

— Чанся, иди-ка сюда, вот эти ядрышки для тебя.

— Я сам ему отдам! — с набитым ртом буркнул Пэй Яо, с трудом ворочая языком из-за обилия ореховой кашицы.

Он подбежал к краю кана, сцапал очищенные орехи из ладони Доу Цзиньхуа, в один миг развернулся и решительно вложил их в ладошку Чанся.

— Ой-ой-ой, посмотрите-ка, какой щедрый выискался! — не удержался от восклицания Ван Лю и тут же покотился со смеху, держась за живот: — Такой крошечный, а уже умеет баловать своего фулана!

Пэй Яо лишь захлопал своими большими круглыми глазами.

Откуда ему было знать про такие тонкости? Он и слов-то таких, как «баловать», еще толком не понимал.

В еде он никогда не знал недостатка, к тому же рос единственным ребенком в семье, так что лакомые кусочки у него никто отродясь не отнимал.

Когда в дом изредка приезжали родственники с детьми, будь те старше или младше его, папа с бабушкой всегда велели ему делиться вкусностями со всеми гостями. Так что для него это было самым обычным, привычным делом.

Чжао Цинь тут же подхватила шуточный тон:

— Уж кто-кто, а наш Яо-эр оправдал все надежды — в таком возрасте уже стал женихом.

Затем её взгляд снова переместился на Чанся, а в душе всколыхнулось неодолимое любопытство.

Пользуясь случаем, она спустилась с кана, небрежно отряхнула ладони от шелухи семечек и обломков скорлупы и с широкой улыбкой потянула Чанся за руку:

— А ну-ка, иди к тетушке, дай мне поближе рассмотреть твое личико.

Если говорить начистоту, Чанся вовсе не был таким же беленьким, пухлым и миловидным, как Пэй Яо. Из-за вечного недоедания его лицо отливало нездоровой желтизной, а тельце было истощенным; и от этой худобы его и без того большие глаза казались огромными, а во взгляде застыла пугливая робость.

Зато черты лица у Чанся были на редкость правильными и гармоничными, и, если присмотреться повнимательнее, его ротик и носик отличались изяществом и тонкой красотой.

Чжао Цинь легонько потерела его за мочку уха и с улыбкой проговорила:

— А ушки-то у мальчика знатные, к удаче и долгой жизни.

Она мимоходом погладила Чанся по голове, поворошила его волосы пальцами и добавила:

— У корней-то еще сыровато. Ты вот так сиди, грейся у жаровни да пальцами прядки перебирай — так они куда быстрее высохнут.

Чанся послушно кивнул, поудобнее устроился на табуреточке и принялся со всей серьезностью греться у огня, то и дело вороша волосы ручонками.

Ван Лю хоть и сидел поодаль и подходить не стал, но, пользуясь действиями Чжао Цинь, успел придирчиво и досконально осмотреть облик Чанся с головы до ног. Он добродушно усмехнулся:

— Худоват, конечно, бедняжка. У него запястье будет потоньше, чем у нашего Яо-эр. Ну да это дело поправимое, подрастет — и всё наладится.

Услышав эти слова, Пэй Яо опустил голову, оглядел свое собственное пухлое запястье, затем перевел взгляд на тоненькую ручку Чанся, но ничего толком не понял. Он лишь крутанул головой и снова дернул бабушку за край одежды, требуя еще орехов.

Ван Лю до сих пор прекрасно помнил, как еще пару лет назад Пэй Яо бегал по деревне в штанишках с открытым шагом [прим.: традиционные китайские детские штаны с разрезом или открытым швом в области промежности. Они позволяют малышам справлять нужду, не снимая одежды.] — настоящий упитанный колобок, сверкающий голой попой на всех улицах.

При этом малец был на редкость сладкоречив: обожал, когда его брали на руки молодые деревенские невесты или пригожие фуланы. Особенно он выделял писанных красавцев, а вот если его пытался приласкать кто-то из деревенских стариков, он всегда отчаянно брыкался, а на его недовольное лицо и смотреть было больно.

И пусть сейчас Пэй Яо уже перерос те штанишки с разрезом, в глазах Ван Лю он всё еще оставался тем самым забавным карапузом.

Вновь посмотрев на худенького, как тростинка, маленького Чанся, Ван Лю и сам не мог объяснить, что именно показалось ему таким комичным. Он лишь плотно сжал губы, сдерживая смех, и беззвучно зашелся в безграничном веселье.

Когда с этой темой было покончено, все трое перешли к обсуждению предстоящей предпраздничной ярмарки.

Завтра наступало уже двадцатое число двенадцатого месяца, и подготовка к Новому году шла полным ходом: люди потихоньку закупали продукты и утварь. А завтра в городке Фуян как раз открывался большой предновогодний базар, который будет шуметь без перерыва вплоть до полудня тридцатого числа — размах там обещал быть грандиозным.

Услышав заветное слово «ярмарка», Пэй Яо мгновенно наострил уши и замер, впитывая каждое слово взрослых.

Чэнь Чжи сделал еще несколько стежков иглой и заметил:

— Наша шкатулка для новогодних угощений совсем истрепалась, мы её уже лет десять, никак не меньше, на стол выставляем [прим.: традиционная круглая или многоугольная лаковая шкатулка с несколькими отделениями внутри, в которую на Китайский Новый год раскладывают праздничные закуски: орехи, семечки, сухофрукты и конфеты для угощения гостей]. В этом году выкрою денег да куплю на ярмарке новую — яркую, лаковую, чтобы глаз радовала.

Чжао Цинь тут же подхватила:

— И мне тоже непременно нужно купить новую! Наша прежняя совсем вид потеряла, да к тому же мой Лайшу её два раза об пол приложил, теперь на нее без слез не взглянешь.

Лайшу был её младшим сыном, которому в этом году исполнилось два года.

Ван Лю продолжил беседу:

— Завтра мой Юн-эр собирается отвезти нашу матушку в гости к её родному брату, так что телеги у нас дома не будет. Вы, как пойдете мимо моих ворот, окликните меня, ладно? Я с вами за компанию пройду, поглазею на товары. А то моя третья дочка уже который день клянчит сахарные фигурки, проходу не дает, всё требует купить. А я ей твержу: «Еще и двадцать третьего числа не настало, с чего ради ты сладости есть удумала? Потерпи!»

[Прим.: тангуа — традиционная новогодняя сладость из солодового сахара в форме тыквы или

дыни. По обычаю её обязательно покупают 23-го числа двенадцатого лунного месяца, чтобы «задобрить» Бога Очага, смазав ему рот сладким, дабы он на небесах говорил о семье только хорошее.]

Услышав наконец упоминание о вкусностях, Пэй Яо не выдержал, подбежал к папе и требовательно уставился на него снизу вверх:

— И мне! Мне тоже надо!

Едва Чэнь Чжи услышал про сахарные фигурки, он сразу понял, что сын теперь не отвяжется, и небрежно отмахнулся:

— Знаю, знаю, купят тебе.

Собравшиеся продолжали перечислять вещи, которые необходимо было приобрести к празднику. Каждая строчка в этом списке требовала денег, и, хоть внешне никто из них не подавал виду, в душе каждая из них невольно и тяжело вздыхала о расходах.

Чжао Цинь и Ван Лю посидели еще немного, сделали еще по несколько стежков в своем рукоделии, а затем спустились с кана, объявив, что им пора возвращаться домой.

В канун Нового года у каждой хозяйки скапливалось немеряно домашних хлопот, и они просто улучили свободную минутку после обеда, чтобы немного развеяться и перекинуться парой слов.

Чэнь Чжи не стал их удерживать; он проводил гостей до ворот и тут же вернулся в комнату.

Он протянул руку и потрогал волосы Чанся: те полностью просохли как снаружи, так и у самых корней. Только тогда он взял деревянный гребень, аккуратно расчесал пряди мальчика и завязал их в аккуратный узел на макушке.

Стоило мальчику предстать перед ними с чистой головой, отмытым лицом и в опрятной, пригнанной по фигуре одежде, как на душе у взрослых сразу стало невыразимо приятно. Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа переглянулись, и в глазах обоих читалось удовлетворение: теперь ребенка было вовсе не стыдно вывести на люди.

Одежда была плотной, согревающей, и от нее исходил едва уловимый, тонкий аромат мыльных плодов, даривший ощущение чистоты. Чанся в своей жизни еще никогда не ходил в таких хороших, а уж тем более благоухающих вещах. Он крепко сжал пальчиками край куртки и снова замер, погрузившись в свои мысли.

Видя его беспредельную робость, Чэнь Чжи призадумался. С самого вчерашнего вечера, как они переступили порог дома, у него всё никак не находилось времени, чтобы сесть и как следует поговорить с ребенком.

Он опустил голову, немного поразмыслил и мягко произнес:

— Раз уж ты переступил порог нашего дома, то отныне и навеки это место — твой родной дом.

Чанся поднял голову и медленно, растерянно захлопал ресницами.

— Пэй Яо хоть и приходится тебе нареченным, но тебе уже исполнилось восемь лет. Ты старше его, а значит, тебе положено приглядывать за ним и наставлять его. Впредь, как пойдете на

улицу играть, учись держать ухо востро и заботиться о нем. Следи за этим сорванцом в оба глаза, чтобы он не вздумал лезть к речному обрыву или канавам.

— К шитью да к кухонному очагу тебе приступать еще рано, возраст не подошел. Но ты всё равно поглядывай краем глаза, подмечай, как и что делается, чтобы в голове порядок был. Впрочем, всё это дела будущего. Сейчас ты еще мал, так что просто во всем слушайся меня и бабушку. А вот как вырастешь большим, тогда уж во всем будешь повиноваться своему суженому.

Проговорив это, Чэнь Чжи вдруг сам почувствовал, что завел разговор не к месту — оба ведь еще совсем несмышлениши, вряд ли малец способен осознать всю глубину этих наставлений.

Поэтому он просто добавил:

— Как придет время садиться за стол — ешь досыта, сколько влезет, не стесняйся и не скромничай. А захочешь пить — просто налей себе воды из чайника.

— Угу, — тихонько кивнул Чанся. Услышав, насколько слабым и писклявым вышел его собственный голос, он замялся на мгновение и, преодолевая накатившую неловкость, робко выдавил: — Я всё понял... папа.

Заметив, что их маленький «муженек» Пэй Яо стоит рядышком, забавно склонив голову набок и насупив брови с самым недоуменным видом, Чэнь Чжи с улыбкой спросил его:

— И о чем это ты так крепко задумался? Впредь тебе положено во всем слушаться старшего брата, ты меня понял?

— Брата? — еще пуще изумился Пэй Яо.

В своей детской наивности он полагал, что Чанся просто погостит у них пару дней и уедет обратно, точь-в-точь как это бывало с детьми других их родственников.

Но он и подумать не мог, что Чанся тоже будет называть его папу «папой».

Малыш решительно ничего не понимал в происходящем, а потому поспешил высказать свое недоумение вслух.

Чэнь Чжи шутливо ткнул пальцем в лоб сына:

— Ах ты, глупый малец! Вот вырастете вы оба большими, и Чанся станет твоим законным фуланом. Твой отец проделал огромный путь и привез его в наш дом специально для тебя в качестве нареченного с малых лет мужа. И как, по-твоему, он должен меня называть, если не папа?

Он со всей серьезностью внушал сыну:

— Раз он вошел в наши ворота, значит, отныне он плоть от плоти член нашей семьи, точно такой же, как и ты сам.

— Вы оба сейчас еще слишком малы, и говорить о свадьбе пока рановато. Так что ты просто заруби себе на носу: прямо сейчас ты обязан звать Чанся своим старшим братом.

Чанся робко перевел взгляд на Пэй Яо.

Пэй Яо задрал голову повыше, отчего его пухлый двойной подбородок забавно разгладился, и принялся в упор, с пристрастием разглядывать Чанся.

И сколько бы папа ни толковал ему про каких-то «супругов» и «нареченных», в его детской головке эти понятия всё равно не укладывались.

Напротив, в душе мальчугана всколыхнулось глухое раздражение, он недовольно надул губы и всем своим видом выказал крайнее нежелание признавать над собой власть какого-то нового «брата».

Если бы речь шла о двоюродных братьях или сестрах из семей родственников, он бы и слова против не пикнул — послушно бы назвал их как полагается. Но этот Чанся...

Еще утром он не имел ничего против того, чтобы называть его братом. Но теперь, когда его собственный папа вдруг стал папой для Чанся, а дедушка с бабушкой — дедушкой и бабушкой для этого чужака, в душе маленького эгоиста проснулась ревность.

Видя, что сын упрямится и капризничает, Чэнь Чжи не стал лишний раз давить на него:

— Ну ладно тебе, будет. А ну марш во двор играть, и смотри у меня, со двора ни шагу!

Пэй Яо сцапал со стола пригоршню семечек и в одно мгновение умчался на улицу.

Стоило ему немного побегать да побеситься во дворе, как дурное настроение испарилось без следа. Все папины наставления он благополучно пропустил мимо ушей и напрочь забыл: в его мире не было ничего важнее веселых игр.

К часу шэнь [примерно три-четыре часа дня] солнце всё ещё ярко сияло на небосводе, однако полуденный зной уже заметно пошел на убыль.

Уголь в жаровнях западной комнаты горел без остановки, да и кан оставался приятно горячим. Пэй Юва как раз устроился там, чтобы наконец-то помыться с дороги, а Чэнь Чжи усердно тер ему спину.

Пэй Яо вовсю резвился во дворе. Желтый пес ухитрился как-то проскользнуть за ворота и убежать по своим собачьим делам, так что мальчик, не найдя своего верного товарища по играм, подобрал с земли длинную палку и принялся со стуком колотить ей по всем углам и предметам.

Доу Цзиньхуа устроилась на солнышке и стирала белье. В её руках так и мелькал тяжелый деревянный валеk [прим.: валеk (банчуй) — деревянная колотушка для стирки], с глухим стуком опускавшийся на разложенную на плоском камне одежду; время от времени она ловким движением переворачивала вещи другим боком.

Чанся поначалу совершенно не знал, куда себя деть, и какое-то время просто испуганно переминался с ноги на ногу. Но затем он тихонько подошел и опустился на корточки рядом со старушкой, принявшись послушно подавать ей мыльные плоды из миски.

Посидев так немного и окончательно придя в себя, он принялся медленно, со всей внимательностью разглядывать этот пока еще чужой для него двор. Его взгляд скользил от одного предмета к другому, пока наконец не зацепился за кухонное окно, на подоконнике которого лежал второй деревянный валеk для стирки белья.

Мальчик поднялся, подошел и аккуратно взял его в руки. Затем он выудил из деревянного таза тяжелые от воды, пропитанные леденящей влагой штаны, устроился на корточках с противоположной стороны большого плоского валуна и принялся с самым серьезным и сосредоточенным видом колотить по ткани, точь-в-точь повторяя движения старухи.

Увидев, что мальчик, пусть и в силу малых лет не обладал должной силой, орудует вальком на редкость ловко и умело, Доу Цзиньхуа сразу поняла: в своей прежней семье ребенок без дела не сидел и к тяжелому труду был приучен сизмальства.

Старушка потянула к нему стоявший неподалеку невысокий деревянный чурбак и мягко сказала:

— Сядь, нечего на корточках спину гнуть, так стирай.

Этот чурбак явно служил верой и правдой уже не один десяток лет: его спил был гладким и идеально ровным. Чанся примостился на нем, ловко раздавил пальцами два мыльных ореха, натер ткань и принялся с удвоенной силой колотить по одежде.

И пусть его детских силенок явно не хватало, чтобы выбить грязь до конца, и Доу Цзиньхуа потом всё равно заново перестирывала за ним каждую вещь, старая женщина и маленький ребенок так и сидели рядышком под ласковыми лучами зимнего солнца, не проронив ни слова.

Чанся сидел, слегка наклонив голову вперед, отчего его тонкая шея сзади оказалась полностью открыта солнцу и приятно нагрелась от его лучей.

Находясь подле Доу Цзиньхуа, ему не нужно было вести пустые разговоры или мучительно изобретать, в какие бы игры поиграть с деревенской детвой. В эти минуты его испуганное, трепещущее от вечного страха сердечко словно наконец-то обрело твердую почву под ногами и налилось долгожданным, блаженным покоем.

Когда со стиркой было покончено, и чистые вещи нашли свое место на деревянных вешалках для просушки, из дома вышел Чэнь Чжи. На ходу утирая пот со лба, он потащил внутрь очередное ведро с горячей водой.

Сам он еще не мылся, но его лоб уже блестел от капель пота — шутка ли, отмыть дочиста одного за другим двух человек, на это потребовалось немало физических сил.

К тому же кожа Пэй Юва была далеко не такой нежной и тонкой, как у маленького Чанся; за время долгого похода мужчина замарался так, что тереть его приходилось с утроенной силой, отчего Чэнь Чжи изрядно притомился.

Закончив с купанием и мытьем головы, Пэй Юва взял остро заточенный нож и чисто выбрил лицо, полностью избавившись от жесткой, колючей щетины. После этой нехитрой процедуры мужчина в один миг преобразился и стал выглядеть на редкость бодрым и свежим.

Надо сказать, что неказистым в роду Пэй никто не рождался. И пусть лица Пэй Юва и Чэнь Чжи нельзя было назвать писаной красотой, они обладали приятной глазу, правильной и честной статью.

Их единственный сын унаследовал от родителей лишь едва заметные черты; тонкий разлет бровей, разрез глаз, очертания носа и губ маленького Пэй Яо вышли куда более тонкими и красивыми, чем у кого-либо в их роду. Если и пытаться отыскать, на кого же так похож этот малец, оставалось лишь признать: он был похож на самого себя.

Переодевшись в чистое будничное платье без единой заплатки, Пэй Юва подхватил под мышку небольшой кувшинчик со слабо градусным домашним вином.

С самым довольным и сияющим видом он направился к воротам, намереваясь дойти до Старого Поселения, отыскать там родичей и пропустить с ними по стаканчику в честь благополучного возвращения.

Маленький Пэй Яо продолжал всю прыгать во дворе; его пухлые щечки покраснели от беготни, отчего малец выглядел донельзя забавным и милым.

Заметив стоящего у крыльца Чанся, Пэй Юва невольно замедлил шаг.

Чанся родился шуаньэром — в тяжелой дороге у мужчины просто не оставалось иного выбора, кроме как держать ребенка при себе. Но теперь, когда они благополучно добрались до родного гнезда, поручить заботу о мальчике супругу и престарелой матери было самым правильным и надежным решением.

Что же касается тонкостей воспитания и ухода за детьми, тут Пэй Юва смыслил мало и предпочитал в эти дела не вмешиваться.

Немного поразмыслив, он всё же счел нужным дать мальчику несколько напутствий:

— Живя в нашем доме, во всем слушайся бабушку и своего папу. Отныне и впредь это твой собственный дом. Если захочется поиграть или побегать, завтра пускай Пэй Яо возьмет тебя с собой и отведет к деревенской детворе.

— Я понял, — послушно кивнул Чанся, устремив на него свой застывший взгляд, а затем, замаявшись на мгновение, едва слышно добавил: — Отец.

Услышав, что ребенок наконец-то пересилил страх и заговорил с ним как положено, Пэй Юва со спокойной душой зашагал со двора.

Небо над головой сияло первозданной синевой, а белоснежные облака, похожие на клочья чистейшего хлопка, медленно плыли огромными пушистыми комьями. Весь просторный, чистый двор усадьбы был до краев затоплен ласковыми лучами солнца.

Ощущая под своими ногами твердую, надежную и неподвижную землю, Чанся наконец-то перестал чувствовать ту бесконечную, изнуряющую тряску и скрип ослиной телеги, что преследовали его последние дни.

Точь-в-точь как сорванный яростным порывом ветра и унесенный в неведомые дали крошечный пух тополя, маленький Чанся обрел свое пристанище и тихо опустился на землю здесь, в доме семьи Пэй.